

УДК 130. 1

Люсий Александр Павлович

(Москва, Россия)

ТЕКСТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Аннотация: Сопоставляется лингвистическое и культурологическое определения текста в контексте «текстуальной революции» современного гуманитарного знания, соотношения лингвистического и коммуникационных поворотов. Локальный текст культуры представлен в качестве способа интеграции социокультурного пространства.

Ключевые слова: семиозис, локальность, коммуникация, текстуальная революция, супертекст.

Анотація: Порівнюються лингвистичні та культурологічні визначення тексту в контексті «текстуальної революції» сучасного гуманітарного знання, взаємовідносин лингвистичного та комунікаційного повороту. Локальний текст культури подан як спосіб інтеграції соціально-культурного простору.

Ключові слова: семиозіс, локальність, комунікація, текстуальна революція, супертекст.

Summary: It is considered linguistic and cultural urological definitions of the text in a context of "textual revolution"

modern humanitarian knowledge, parity linguistic and communication turns. The local text of culture is presented as a way of integration of social and cultural spaces.

Key words: semiozis, locality, communications, textual revolution, the supertext.

Интерес к тексту (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение), как объединенной смысловой связью последовательность знаковых единиц зарождается у человечества с появлением письменной фиксации языка. При том, что и в дописьменной культуре существовали свои культурные тексты, признаком которых очевидны в дополнительной сверхязыковой организованности на уровне выражения тех или иных смыслов (текстам юридическим, этическим, религиозным, концентрирующим научные сведения по

сельскому хозяйству, астрономии и т. п. предписывалась обязательная сверхорганизация в форме пословиц, афоризмов и заклинаний с определенными структурными признаками).

Культура греко-римской античности знаменуется первыми попытками осознания понятия «текст», что становится возможным при демифологизации мышления, на стадии развертывания временного цикла в линейную последовательность. Текст начинает восприниматься как языковой феномен, воспроизводящий уже не структуру Космоса, что было свойственно мифу, но способ живой коммуникации людей, направленной на практическую деятельность. Положение о физической причастности слова к имени обозначаемой вещи стало теоретической предпосылкой внимания философов к языку и тексту.

Текст как организация языковых элементов, опосредующая отношения говорящего и слушающего, подчиненная правилам ритмики, стилистики и т.п., становится более важным явлением, чем сам язык. При этом философам данной эпохи (Платону, Аристотелю), рассматривающим грамматику лишь в рамках логики, удалось сохранить представление об «истинных» именах, передающих сущность вещей. Положение об «истинных именах» логически соотносимо с аристотелевским же понятием «силы» места, благодаря которой существуют так называемые «естественные» движения (в отличие от «насильственных» движений), то есть движение тел на свое исконное место (легких – вверх, тяжелых – вниз). Если в насильственном движении движущим является всегда какое-либо другое тело, то в движениях, называемых Аристотелем естественными, движущим является само «место» [4, с. 261]. Таким образом, первичные интуиции и осмысления текста изначально соотносимы с «первичными интуициями пространства», пользуясь выражением А.Ф. Филиппова [18, с. 187], как размещения естественной коммуникации.

«Лингвистический поворот» в методологии всех социальных и гуманитарных наук привел к первостепенному вниманию исследователей к проблемам производства значения.

Смещением акцента с анализа социальных ценностей и норм на исследование языка и речи, изучение взаимодействия значения и реальности современная наука обязана, прежде всего, структурализму и аналитической философии (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль). Попытка переосмыслить практически всю социокультурную проблематику заново в терминах лингвистики, то есть применить теорию Ф. де Соссюра к экстралингвистическим объектам, привела к сближению и даже отождествлению реальности и текста. Так возникла возможность рассматривать как связную и компактную систему знаков или образов, т. е. как текст - миф и спортивный матч, ресторанное меню и картины, ландшафт и интерьер парикмахерских и т.д.

Мощным импульсом текстуализации знания стало развитие идей М. Бахтина. Ю. Кристева поставила задачу выделения горизонтального и вертикального измерения методологической матрицы, «текстообразующей оси во всей совокупности сказанного и написанного». Вместе с «лингвистическим поворотом» произошел коммуникационный поворот, основанный на идее безграничного коммуникативного сообщества, которое в реальности экстерриториализировано, отчуждено и отсрочено в виде синтаксико-семантических систем естественного языка в смысле «объективного духа» [1, с. 244]. Осознание необходимости прагматической метасистемы человеческой речи или коммуникации для актуализации объективных языковых систем в направлении превращения в «энергию» в смысле В. Гумбольда объективно подводит к гипотезе, что таковой метасистемой является система текстов.

Культурологический поворот в текстологическом переосмыслении проблем региона и периодизации истории вызвал новую трактовку и понимание категорий социокультурного пространства. Отчасти именно этим и была продиктована объективная необходимость появления новой науки – культурологии, одной из важнейших задач которой на переломном историческом этапе стало пристальное и непредвзятое изучение механизма формирования российского многонационального

государства и складывания в нем коммуникативного сообщества. Идея «локала» как единства физической среды и ее осмысления, в той трактовке, которой придерживаются Э. Гидденс и А. Филиппов, пересекается с пониманием сверхтекста как общей среды объекта и его описания. Из культурологической «Одиссеи» текст возвращается «пространством и временем полный», как главный герой эпоса познания. В результате возникло понимание культуры как совокупности текстов, или механизма, создающего тексты, в то время как тексты предстают в виде способа реализации культуры. Одни культуры представляют себя как совокупность текстов, другие моделируют себя как систему правил, определяющих создание текстов, и эта самооценка является существенной типологической характеристикой культуры. Это создает новую философскую ситуацию текстологической стадии развертывания «трансцендентальной субъективности», представляемой как интересубъективность, как «развертывание универсального априори», «универсального логоса», уточняет терминологию Э. Гуссерля А.П. Огурцов [13, с. 89].

Согласно Ю. Лотману, в общей системе культуры тексты выполняют две основные функции: адекватную передачу значений и передачу новых смыслов. Первая функция выполняется наилучшим образом при максимальной однозначности текста. Во второй текст перестает быть пассивным звеном передачи информации между входом (отправитель) и выходом (получатель). Основным структурным признаком текста здесь оказывается его внутренняя неоднородность. Текст предстает в качестве устройства, образованного в виде системы разнородных семиотических пространств, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение. Текст более не воспринимается как манифестация какого-либо одного языка, для его образования необходимо минимум два языка. Текст оказывается не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором новых культурных смыслов [11].

В последние десятилетия в России осу-

ществляется формирование новой традиции концептуализации и исследования метатекстов (текстов культуры) разного уровня, что приобретает характер текстуальной революции современного гуманитарного знания как такового. В процессе данной революции наблюдается не лишенный внутренних противоречий процесс складывания того, что мы бы определили как русская теория, - по аналогии с синтетичным определением «французская теория», которое американские философы дали комплексу направлений постструктуралистских гуманитарных исследований во Франции, включающей философию, антропологию, социологию, семиологию, историю цивилизаций, критику разнообразных областей культуры (понятие «русская теория» также является конкретизацией традиционного метаопределения «русская идея»).

Понятие «текст культуры» («культурный текст») представляет собой поле напряженного взаимодействия полюсов сверхтекст и гипертекст в пространстве интертекста. Это явление качественно-количественное, гипертекстуально-метатекстуальное. Оно представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры, т.е. как картина мира данной культуры. Понятие «текст культуры» «оказывается настолько емким, что вбирает в себя не только произведения искусства, архитектурные строения, парки и усадьбы, но и самого человека. Своеобразные «вертикальные» полюса – текст евангельский и больничный (мортальный). Текст оказывается в самом центре диалогической ситуации, выступая в качестве смыкающего акт коммуникации компонента.

Ю. Кристева сравнивает семиотическое понимание текста с чертежом кристаллической решетки, «в виде которой предстает работа означивания, если ее рассматривать в определенный момент ее бесконечной длительности – в данный момент истории, в котором эта бесконечность упорно пребывает». Своеобразие таким образом понимаемого текста позволяет отделить его от понятия «литературного произведения», методологического фетиша как для вульгарного социологизма,

так и эстетизма, которые оказались глухими «к целому регистру дифференцированных и противопоставленных страт многослойного – множественного – означающего языка. Специфическая связь этой дифференциации и противопоставленности с наслаждением, дробящим субъект, была четко прослежена в теории Фрейда и акцентирована исторически знаменательным образом в текстовой практике так называемого авангарда, которая совпала с эпистемологическим переломом, произведенным марксизмом, и продолжалась после него». Текст – это не произведение, а производство. «Текстовая продуктивность – это внутренняя мера литературы (текста), но она не есть литература (текст), подобно тому как любой труд есть внутренняя мера стоимости, но не сама стоимость» [9, с. 254].

Типология текстов культуры дополняет и в какой-то степени заменяет риторическую классификацию жанров. Понятие «текст культуры» «оказывается настолько емким, что вбирает в себя не только произведения искусства, архитектурные строения, парки и усадьбы, но и самого человека. Текст, таким образом, оказывается в самом центре диалогической ситуации, выступая в качестве смыкающего акт коммуникации компонента» [3, с. 206].

Толчком к современной текстуализации России стала концепция Петербургского текста как сложного, построения, имеющего особый провиденциальный смысл для всей русской культуры. Основоположник этой концепции В.Н.Топоров [17, с. 227-284] и его последователи разработали матрицу текстуализации.

Современная российская культурология, вслед за филологией, идет по пути преимущественно экстенсивной (горизонтальной) текстовой экспансии. «Триумфальное шествие» «текстуальной революции» осуществляется в «активном, деформирующемся пространстве» с «локальной этикой». Происходит повсеместное и целенаправленное, при всей внешней стихийности, учреждение разнообразных локальных «текстов культуры» разного уровня и масштаба: вслед за петербургским - московского, киевского, сибирского, алтайского,

уральского, волжского, саратовского, самарского, кавказского, вятского, елецкого, муромского, северного и т.д. Внимательное изучение данных наработок позволяет сделать вывод, что, как правило, весь уже накопленный здесь материал является не поверхностным подражанием, как это может показаться на первый взгляд, а ответом самого русского пространства, со всеми его особенностями, и всего ранее сформировавшегося комплекса гуманитарного знания на глубинные потребности национального семиозиса. В то же время учреждение локальных текстов культуры нередко обнаруживает принципиальную методологическую наивность, которая отличается от обыденной наивности лишь тем, что является «наивностью более высокого ранга» [14, с. 77] (что, в частности, проявляется в смешении тематических и текстуальных аспектов в процессе проблематизации предмета исследования). Поэтому особо актуальным представляется преодоление методологического разобщения отдельных дисциплинарных и «региональных» направлений в целостной интерпретации русской культуры как суммы и системы текстов разного уровня и поиска адекватной методологии такой интерпретации, имеющей характер интенсивного гуманитарного исследования.

Принципиальная открытость текста города или региона (в отличие от «закрытой» лингвистической и «финалистской» филологической трактовки понятий текста) зависит от присущей этому тексту задачи осмысления, которая в течение длительного времени должна определять его содержание. То есть с необходимостью обозначатся произведение (фрагмент), входящее в культурный текст города именно как «городское». Специфика такого текста задает жанровое единство различных текстов. В тексте города, интерпретирует идеи В. Топорова А.И. Костяев, все эквивалентные (повторяющиеся) мотивы расположены в вертикальной колонке (сверху-вниз) а мотивы, образующие синтагматическую цепь, в горизонтальный ряд (слева-направо) [8]. «Чтение» по ряду есть рассказывание текста города, а «чтение» по колонке его понимание. Так город «впускает

в себя человека и описывает себя сам». В то же время «тело текста, взятое само по себе, без ограничивающего его человека, не несет какой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно» [5, с. 25].

Понятие «локальный текст культуры» втягивает в себя активно исследуемые сейчас представления о локальности как о феномене, «собирающем» целый ряд современных социокультурных тенденций: в их числе пространственно-временная фрагментарность, плюралистичность, контекстуальность. Будучи своеобразным социальным синонимом этим тенденциям, локальность не столько их обобщает, сколько делает явным то, как они намекают друг на друга, взаимодействуют, выступают составляющими достаточно заметного оттенка современной социокультурной ткани [16, с. 5]. Локал – размещение социального действия и взаимодействия, а локальный текст (супертекст) – размещение культуры.

Власть, по словам Ж. Бордийера, заинтересована в производстве реальности как способе управления [15]. Областью чистой практики порядка и его способов бытия для созерцательного познания интеллекта становится мировоззренческий (политический) текст, созданный в контексте локальной (региональной) культуры. В нем осуществляется «пересказывание» (парафраза), переложение смысла современной истории [19, с. 55].

Эстетический опыт, представленный в региональном политическом тексте, можно охарактеризовать как региональную эпистему, в которой заявлены возможности образований сознания и культуры региона в конкретный исторический период. «Материальным носителем» эстетического опыта – текстовой эпистемой – является энтимема, в которой задан масштаб для образования региона как самостоятельной сущности и отдельного субъекта региона (государство – регион – индивид). Региональный политический текст конструирует теоретическую, созерцательную форму жизни, базирующуюся на относительно адекватном знании, содержание которого частично соответствует действительности (жизненная

ситуация определяется как виртуальная). Региональный политический текст представляет собой особую культурную форму, наиболее полное прочтение которой, как и других типов культурных форм (любых типов произведений и текстов), возможно в естественном культурном контексте, где она обретает свою рефлексивную наполненность.

Аксиомы, будучи общепринятыми, выступают в роли мотиваций, т.е. в то же время коллективно-субъективны. Аксиомы-монады как составляющие текста культуры, не сменяют друг друга, а сосуществуют в виртуальном сотворенном мире, борются, взаимодействуют и – «выпадают в константность», становясь материальными, организационными, ценностными и прочие артефактами культуры. Концепция культуры как системы локальных текстов призвана сыграть аналогичную арбитражную роль в столкновении традиционных дихотомий (Запада и Востока и т.д.).

Существенным импульсом для работы по осмыслению пространственных (локальных) текстов культуры послужило понятие «метафизика ландшафта» В.А. Подороги, а также осуществляемое в культурной географии последних лет метагеографическое осмысление пространства культуры Ю.А. Ведениным, В.Л. Каганским, Д.Н. Замятиным, О.А. Лаврениной, вылившееся в становление такой дисциплины как геокультура. Геокультура представляет собой «глобальное переживание культуры через географию с присущим этому понятию “опространствлением культуры”» [12, с. 178]. В рамках такой интерпретации традиционное географическое пространство становится культурным и происходит снятие классических антиномий «природа – общество» и «природа – культура». Категория геокультуры формируется на основе целостности и синергетичности. Методологические основания геокультуры – исследования мифологических архетипов освоения земного пространства, в частности, известные работы М. Элиаде. Этот ученый выявил структурные механизмы преобразования мифологических и религиозных архетипов в конкретные модели освоения земного пространства. Им было установлено, что древние городские культуры организовывали

свою территорию в соответствии со своими религиозными представлениями. «...всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве «жизненного пространства», предварительно превращается из «хаоса» в «космос», посредством ритуала ей придается некая «форма», благодаря которой она становится реальной» [21, с. 38]. С известной аналогией сейчас осуществляется «текстуализация» регионов.

Как отмечает Д.Замятин в монографии «Культура и пространство», «российское пространство – уникальный для гуманитарных наук объект и предмет исследования. Став предметом серьезного концептуального осмысления уже в XVIII веке, оно превратилось к началу XX века в мощный когнитивный концепт и образ, повлиявший и влияющий на различные руссиеведческие концепции и студии» [6, с. 350]. О. Лавренева определяет культурный ландшафт как информацию в пространстве и о пространстве, возникающую в процессе жизнедеятельности культуры. «Культурный ландшафт – составная часть семиосферы и семиотическая система, в которой соблюдаются большинство правил семиотики. Культура не просто размещается в пространстве, а, семиотизируя, перестраивает его смысловым образом» [10, с. 140]. Культурный ландшафт обладает полимасштабностью, что выражается в усложненности и способности к реорганизации. Выясняется, что одно и то же место в локальном, региональном, общерусском и прочих масштабах будет наделяться различными оценочными смыслами.

Пространство культуры, как и время, представляет собой единство непрерывности и дискретности. Дискретность опосредована непрерывностью, с континуальной заданностью взаимодействия и переходов между ними. Любая выделяемая текстовая структура получает условия своего существования лишь в постоянном соотношении целым и непрерывным, выражаемым субъектностью культуры. Текст как важнейший элемент континуума раскрывает наиболее универсальное и многослойное структурирование пространства-времени. Это предопределено особой ролью текста как способа самообосно-

вания и самораскрытия культуры. Ведь символ, содержащий в себе по самой своей природе не полностью проявленное многообразие связей с общими культурными смыслами, полужакрыт для истолкования. Поэтому именно текст, в котором такая проявленность может достичь предельно элементарных компонентов, способен обеспечить такое понимание смысла более конкретно и полно. Общей текстуальной пространственно-временной логике континуума культуры соответствует региональный уровень этой логики. В.Л. Каганский определяет регион как «образование, которое само себя полагает, утверждает, растит, отчасти – строит; текст, что сам себя пишет» [7, с. 8].

Ощущаемый современностью кризис модели вечности связан прежде всего с переходом от жестко организованной структуры трансцендентальной области, элементы которой вступают в конфликт с собственным новым содержанием, к более динамичному и сложному образованию. «Понимание структуры текста при таком подходе: “...структура текста – это локализованный в определенных участках среды процесс, способный перемещаться в среде, перестраиваться в ней”» [2, 58]. Используя и переформулируя принципы лингвосинергетики, К.И. Белоусов представляет текст в качестве «способа превращения деятельности как процесса в продукт, в котором она объективируется, переходит ... из формы движения в форму покоя» [2, с. 47]. Т. е., объективации деятельности многомерного языка культуры как «текстуального производства».

Ситуация постмодерна, в которой отдается приоритет производству значения, а бытие сводится к гетерогенному, отрицающему какую-либо определенность тексту, сопровождается идеями «конца истории» и «конца социального». Культурологическое осмысление и использование понятия «текст культуры» проявляет способность текста не рассеивать социальность, а интегрировать социокультурное пространство действующих в нем субъектов, раскрывая при этом новые качества социальности и новые формы их извлечения [20, с. 187]. Это может стать способом

социокультурной идентификации личности и общества.

Локальность/глокальность (локальность в глобальном мире) в определенной степени является синонимом ментальных пространств, которые являются определенными областями человеческого интеллекта, посредством которых структурируем разрозненные, но сопряженные элементы, роли, стратегии и отношения. Локальный текст культуры - своеобразная рефлексивная площадка, позволяющая осуществить субъекту социокультурной деятельности сборку входов в каналы деятельностной реальности. Культурный текст, при всем значении литературы для его построения - не совокупность объединенных тематически литературных произведений, а рационально обоснованный миф, т.е. «вещь» или культурный артефакт, способный производить рефлексивную (психическую и интеллектуальную) работу, позволяющую достичь семантическому когерентному дискурсу «Россия» идеальной цели – обрести статус цивилизации, или цивилизационной системы.

Практические миры текстуальной деятельности создают равновесную систему существования мысли в языковой среде. Подобное ментальное поле позволяет создать представление о совершенном универсуме и «населяющих» его нарративных субстанциях

Литература:

1. Апель, К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. – 336 с.
2. Белоусов К.И. Текст: пространство, время, темпоритм. Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 247 с.
3. Волкова П.С. Текст культуры: диалогический аспект // Культура и глобальные вызовы мирового развития. V Международные Лихачевские научные чтения / [сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк]. СПб.: СПбГУП, 2005 - 345 с.
4. Гайденок П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: Per Se, СПб.: Унив. кн., 2000 – 318 с.
5. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001 - 177 с.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство. М., 2006. С. 350.
7. Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа культурной практики // Культура в современном мире. Вып. 3. М., 1997. С. 8.
8. Костяев А.И. Смыслогенетическое исследование: *Cultura animi*: монография / А. И. Костяев. М.: Компания Спутник+, 2004: ООО Компания Спутник+ - 105 с.
9. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с. (Серия «Книга света»)
10. Лавреница О.А. Информационные процессы в культурном ландшафте // Современность / Post. Альманах социокультурных исследований. № 1. М., 2006. С. 140.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. – 703 с.
12. Лысенко Е.М. Простирание культуры жизни: геокультурные аспекты // Время – пространство – ценности цивилизации. Саратов, 2007. С. 178.
13. Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философских исследований // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9 (34). Вып. 2. С. 58-69.
14. Свасьян К.А. Феноменологическое познание: Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян; АН АрмССР, Ин-т философии и права. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1987. - 198 с.
15. Ситников А.П. Победа без победителей : Очерки теории прагматической коммуникаций / Алексей Ситников, Михаил Гундарин М.: Консалтинг группа «ИМИДЖ-Контакт», 2003 (Элиста : АПП Джангар - 250 с.
16. Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальностей. М.: ИФ РАН, 1998. 121 с.
17. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. С. 227-284.
18. Филиппов А.Ф. Социология пространства. М.: Владимир Даль, 2008. 284 с.
19. Халина Н.В. Грамматика наблюдения за современной языковой культурой // Известия АГУ, 2003, № 4 (30). С. 54-62.
20. Храпова В.А. Текст как социокультурный код общества. / В. А. Храпова ; Федеральное агентство по образованию РФ, Волгоградский гос. ун-т Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2006 – 245 с.
21. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987; Он же. Священное и мирское. М., 1994. С. 38.